

заемных денег как существенно приумножить возможности своих торговых оборотов, так и избежать нежелательной ситуации «лежачих» денег. Кредитная деятельность первогильдейского купца являлась сутью его предпринимательской деятельности. Предоставляемые им займы выдавались сроком от 6 месяцев до 3 лет под 6% годовых. Это был тот процент, под который выдавались ссуды из Купеческого банка, основанного в Петербурге в 1754 г. Рассматриваемая духовная не только раскрывает конкретные сферы деловой активности московского первогильдейца, но и с убедительностью показывает, что перед нами именно купец-предприниматель, поскольку получаемая им прибыль идет не только на потребительские цели, но и на развитие самого «дела». Очень интересны содержащиеся в духовной данные, позволяющие показать участие вдовы купца в хозяйственных делах мужа, ее способность продолжить непростую область его предпринимательства. Со страниц духовной рисуется образ волевой, предусмотрительной и очень рачительной хозяйки, чьи интересы и деятельность не ограничивались пределами собственного дома. Несомненно, специфика этой области предполагала четкое и грамотное ведение документации, что в совокупности с наличием среди домашнего имущества купца и его вдовы собрания печатных указов свидетельствует не только о грамотности хозяев, но и о их знакомстве с правовыми основами своей деятельности и требованиями коммерческого искусства.

Примечания

¹ Подробнее см.: Козлова Н. В. Имущественные права и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI—XVIII вв.): Проблемы культуры и культур. наследия: Материалы Третьей науч. конф. Муром, 17—20 мая 2000 г. (в печати).

² Правда, вплоть до 1753 г. на практике при их оформлении крепостные учреждения все же требовали письменное согласие мужа или «поверенное» от него письмо (см.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 554. С. 75, 77, 92, 95, 153; Д. 555. Л. 53; Д. 567. Л. 54—55 и др.; ПСЗРИ. Т. 13. № 10111).

³ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 266—267; Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 92об.—93; Оп. 1. Ч. 2. Д. 4198. Л. 14—15; Д. 6592. Л. 2—3; Д. 3710. Л. 12—12об.; ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 1. Д. 3945. Л. 1об.—2.

⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 92об.—93.

⁵ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 3. Т. 3. Д. 6401. Л. 1об.—2.

⁶ РГАДА. Ф. 82. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6592. Л. 2—3.

⁷ Там же. Оп. 26. Д. 909. Л. 15—16; Оп. 3. Т. 3. Д. 8099. Л. 1об.—4об.

⁸ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 2. Д. 6274. Л. 1об.—2об.

⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 4. Д. 12125. Л. 1—4об.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ в 60-е гг. XVIII в.

От особенностей брачной структуры той или иной социальной группы зависит характер воспроизводства населения. Согласно теории, выдвинутой английским ученым Дж. Хаджналом, в Западной Европе еще в XVI в. начала складываться новая европейская модель брачности. В отличие от традиционного типа, для которого свойственны ранние браки и высокий уровень брачности, европейская модель характеризуется поздним вступлением в брак: у мужчин в среднем — в 26—28 лет, у женщин — после 24, и значительной долей лиц, никогда не вступавших в брак (у мужчин — 9—20%, у женщин — 11—29%)¹. Для России, основное население которой составляло крестьянство, в изучаемый период был характерен традиционный тип брачности. Во второй половине XVIII в. начали складываться предпосылки для перехода к европейской модели. Новые явления в брачном поведении затронули городское население, тогда как в среде крестьянства они полностью отсутствовали². Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить особенности демографического поведения московских купцов в 60-е гг. XVIII в. Источниками служат данные 3-й ревизии, проводившейся в 1763—1764 гг., и окладных книг 1766 и 1767 гг. Объектом исследования стали семьи купцов 11 слобод Москвы³. Анализ структуры брачности московских купцов по гильдиям позволит определить характер и уровень распространения в среде московского купечества элементов новой модели брачности.

Большинство московских купцов состояло в браке (61,9% мужчин и 73,7% женщин в возрасте от 16 лет и старше). В то время как треть московских купцов на момент ревизии оставались холостяками, среди женщин доля незамужних составляла 6,9%. Доля вдов (19,4%) почти в четыре раза превышала долю вдовцов: 5,9%. Это объяснялось различным возрастом вступления в брак у мужчин и женщин. Последние выходили замуж значительно раньше мужчин. Если около 65% женщин от 16 до 20 лет были замужем, то среди мужчин этого возраста в браке состояло только 12%. К 30-летнему возрасту вне брака оставалось 3,3% женщин, тогда как среди мужчин возрастной группы 21—30 лет более 60% составляли холостые. К 16 годам в брак вступало в

среднем 30,6% купеческих дочерей, к 17 годам — около 50%, к 18 годам — уже 64,7%, а к 19 годам — 88%. Таким образом, значительная часть купеческих дочерей вступала в брак в возрасте 16—19 лет, а к 21—22 годам практически все они были замужем.

У мужчин процесс вступления в брак каждого поколения был сильнее растянут во времени. Так, все 18-летние оставались холостыми, к 19 годам в браке состояло только 17,3%, к 20 годам — чуть более 22%, к 21 году — только 28,6%. Если подавляющее большинство женщин к 21 году состояло в браке, то среди мужчин — только треть. Раннее замужество было одной из характерных черт традиционного типа брачности, при котором у русской женщины не существовало альтернативы браку и семье. Мужчина выступал как единственный кормилец, в процессе торгов и промыслов которого создавалась экономическая основа жизнедеятельности семьи, поэтому женитьбе у купцов, как правило, предшествовало приобретение навыков и знаний, необходимых в их профессиональной деятельности.

Картина соотношения возрастов супругов определяется различиями в брачных возрастах мужчин, (а также уровнем смертности и частотой повторных браков). Из 1126 брачных пар в 1032 случаях (91,7%) муж был старше жены, в 62 случаях (5,5%) жена была старше и только в 32 случаях (2,8%) супруги оказались одногодками. В большинстве брачных пар, где возраст супруги был выше (в 44 парах), возрастная разница варьировалась от 1 года до 3 лет. Супружеские пары, где жена оказывалась старше мужа на 7—9 лет, были крайне редки (4 пары). Максимальная разница в возрасте наблюдалась у четы Холщевниковых, где супруга была на 18 лет старше⁴. Иная ситуация была в семьях, в которых старшим оказывался супруг. Разница в возрасте от 1 года до 6 лет наблюдалась у 45,5% таких пар (470 пар), от 7 до 9 лет — у 16,7% (172 пары), от 10 до 12 лет — у 12,9% (133 пары), от 13 до 15 лет — у 9,7% (100 пар), от 16 до 18 лет — у 7,2% (74 пары), более чем на 27 лет — у 1,3% (13 пар). Максимальная разница в возрасте зафиксирована у четы Леонтьевых (42 года)⁵.

Определим возрастной уровень окончательного безбрачия у женщин в семьях московских купцов. В процентном отношении доля женщин, не состоящих в браке, в возрастных группах 31—40 и 41—50 лет была ничтожно мала: соответственно 0,8 и 0,9%. Число лиц, не состоящих в браке в возрастной группе 45—49 лет, Дж. Хаджнал считал возможным рассматривать как число лиц, которые никогда не вступят в брак⁶. Поскольку все купеческие дочери старше 43 лет состояли в браке, то можно утверждать, что брачное поведение купеческих дочерей характеризовалось чрезвычайно низким уровнем оконча-

тельного безбрачия. Применительно к характеристике брачности женщин в России в XVIII—XIX вв., когда вероятность для девицы когда-либо выйти замуж падала после 23 лет и к 40 годам становилась ничтожной⁷, мы вправе установить более низкий возраст окончательного безбрачия — 31—40 лет. Однако и в этом случае доля женщин, не вышедших замуж на протяжении всей жизни, оказывается минимальной. Упомянем, что брачный возраст купеческих дочерей был в этот период значительно выше, чем крестьянок у помещичьих деревень, подавляющее большинство которых вступало в брак в 15—16-летнем возрасте⁸.

Брачность мужчин имела переходный характер к европейской модели. Средний брачный возраст у мужчин, значительно превосходящий возраст вступления в брак женщин, в целом соответствовал брачному возрасту, характерному для европейского типа. К 19 годам более 80% купцов оставались холостяками, к 20 — чуть более 77%, только к 30 годам доля холостяков была меньше, чем доля женатых. В среднем мужчины в семьях купцов вступали в брак в 26—27 лет, что на порядок выше возраста вступления в брак, характерного для помещичьих крестьян (17—18 лет)⁹. Уровень окончательного безбрачия был низким: доля лиц, никогда не состоявших в браке (возрастная группа 51—60 лет), в среднем составляла 6,5%, что более соответствует традиционной модели брачности. Однако существовали значительные различия в брачности купцов по гильдиям. Самый низкий уровень брачности был характерен для третьегильдейцев: доля холостяков оказалась наибольшей по московскому купечеству (33,9%) и на 10% превышала долю неженатых мужчин у купцов 1-й гильдии (23,9%). Среди 19-летних процент холостых составлял 60% у купцов 1-й, 76,3% — купцов 2-й, 93,8% — 3-й гильдии, среди достигших 21 года — 50%, 75%, 73,7%. Более низкий брачный возраст у первогильдейцев объясняется не в последнюю очередь тем, что купцы 1-й гильдии не препятствовали ранней женитьбе сыновей, так как приданое, которое приносила с собой невеста, выступало как одно из средств первоначального накопления капитала купцов¹⁰. Третьегильдейцы, которые чаще всего не могли рассчитывать на богатое приданое, напротив, вступали в брак позже, поскольку необходимо было приобрести средства к существованию или овладеть определенным видом мастерства, занимаясь которым мужчина был бы в состоянии содержать семью.

Уровень окончательного безбрачия также имел свои особенности у купцов различных имущественных групп. Если рассматривать долю лиц, не состоящих в браке в возрастной когорте 51—60 лет, как долю лиц, которые никогда не вступали в брак, то у первогильдейцев брач-

ность имела всеобщий характер, поскольку к 30 годам почти все купцы 1-й гильдии вступали в брак. В целом все первостатейные купцы, достигшие 50 лет, состояли в браке. У купцов 2-й гильдии доля неженатых в возрастной группе 51—60 лет составляла 5,6%. В брачном поведении мужчин в семьях купцов 3-й гильдии проявились элементы нового типа брачности. Так, доля холостых в возрастной когорте 51—60 лет составляла 8,6%, еще выше она была в более старших возрастах: 61—70 лет (11,5%). Любопытно, что, по наблюдению Хаджнала, европейская модель брачности распространялась первоначально преимущественно в низах общества, тогда как ни английская и французская аристократия, ни женеvское бюргерство в XVII—XVIII вв. новой модели не следовали: браки в их среде оставались ранними, доля холостых — незначительной¹¹. В России, и в частности у московского купечества, черты нового европейского типа брачности также впервые проявились в среде малосостоятельных социальных слоев, тогда как первостатейные и среднестатейные купцы придерживались традиционной модели брачности. Новый тип брачных отношений затронул прежде всего мужчин, в то время как купеческие жены, основным местом производства которых по-прежнему оставался дом, оставались в русле традиционной модели брачности. Московское купечество, будучи городским сословием, сформировало свой тип брачных отношений, отличающийся от крестьянского более высоким брачным возрастом и более значительной долей лиц, не вступавших в брак на протяжении всей жизни.

При высоком уровне смертности, который наблюдался в России в этот период, овдовение было достаточно частым явлением. Женщины вдовели чаще мужчин, поскольку мужья часто были значительно старше своих жен вследствие более низкого брачного возраста мужчин и из-за того, что многие женщины первым браком выходили за вдовцов. Если большинство овдовевших мужчин вступало в повторный брак, то женщине это было сделать труднее.

Уже в возрастной группе 16—20 лет встречались вдовы купеческие жены. К 30-летнему возрасту среди состоявших в браке женщин доля вдов составляла 6,8%, к 50 годам хотя бы однажды овдовевшими оказывались свыше 30% женщин, к 60 годам — 50%, в старших возрастах — более 71%. Подчеркнем, что доля вдов в купеческих семьях была бы еще выше, если бы не повторные браки. У мужчин, которые чаще женщин вступали в повторные браки, доля вдовцов во всех возрастных группах была значительно ниже, чем у женщин, но также возрастала с каждой следующей возрастной группой к последующей. От 21 до 30 лет только чуть больше 2% из состоявших в браке купцов были уже вдовцами. Незначительная доля вдовцов среди женатых и

вдовых оставалась в возрастах 31—40 лет: всего 5%. В старших возрастах уже каждый третий купец был вдовцом.

Средний возраст овдовения у купеческих жен приходился на 37,9 лет. Более трети женщин, ставшие вдовами к моменту 3-й ревизии, овдовели в возрасте от 31 до 40 лет, четверть — в возрасте от 41 до 50 лет, 23,9% — стали вдовами в возрастах 21—30 лет. Только 6,9% приходилось на женщин, овдовевших в возрастной группе 51—60 лет.

При подсчете *детности* брачной пары учитывались как малолетние, так и взрослые дети. Принимались в расчет и умершие сыновья, зафиксированные 3-й ревизией. Численность детей у супружеских пар заметно колебалась, но не превышала 9 человек. Наиболее распространенными были брачные пары, имеющие одного (28,2%), двух (23,2%) и трех (14,6%) детей. В единичных случаях у супругов было 7—9 детей (девять пар). 77,1% брачных пар имели детей, а 22,9% — оказались бездетными. В среднем по московскому купечеству доля многодетных супругов, имеющих трех и более детей, составляла 25,2% пар. Наибольшая доля многодетных пар наблюдалась в семьях купцов 1-й гильдии (более 35%), ниже она была в семьях купцов 2-й и 3-й гильдий: (23,3% и 24,9%). У первогильдейцев наблюдался и самый высокий процент супружеских пар с 6—9 детьми: 4,1% (у купцов 2-й и 3-й — соответственно 1,9 и 0,8%). Основная доля многодетных брачных пар приходилась на более обеспеченную социальную группу московского купечества, где имелись необходимые условия для их социализации и где уровень смертности детей был значительно ниже. Нельзя, однако, не учитывать, что ревизия дает только некоторый моментальный «снимок» детности супружеских пар. Многие дети умерли и остались не зафиксированными ревизией. Данные ревизии дают возможность лишь выявить общее соотношение детных и бездетных, детных и многодетных супружеских пар.

Таким образом, в среде московского купечества в изучаемый период начали складываться предпосылки перехода к европейскому типу брачности. Новые элементы брачного поведения проявились в характере брачности мужчин, тогда как женщины следовали традиционной модели. Средний возраст вступления в брак у мужчин составлял 26—27 лет, подавляющее же большинство женщин вступало в брак в возрастах 16—19 лет. Для московского купечества типичным оставалось почти всеобщее вступление в брак как мужчин, так и женщин. Уровень окончательного безбрачия оставался в целом по купечеству низким, однако в наименее обеспеченных слоях посада этот показатель соответствовал европейскому типу.

Примечания

¹ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14—23.

² *Миронов. Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 74.

³ Гостиная и Новгородская сотни, Голутвенная, Басманная, Алексеевская, Огородная, Кошельная, Конюшенная Овчинная, Мещанская слободы, Крымские и Девичьи Лужники.

⁴ Материалы для истории московского купечества. М., 1885. Т. 2. Ч. 1. С. 110. Приложение. С. 88.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 91. Приложение. С. 136.

⁶ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности... С. 15.

⁷ *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX—начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 141.

⁸ *Мохначева М. П., Прохоров М. Ф.* Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 112—113.

⁹ Там же. С. 112—113.

¹⁰ *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 84.

¹¹ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности... С. 33—37, 60—64.

Г. В. Калашиников

СОЛДАТСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Общеизвестно, что солдаты регулярной армии, времен ее комплектования на рекрутской основе, не являлись беднейшим слоем российского общества. Для XVIII в. это можно было бы объяснить относительно высоким размером солдатского жалования (от 5 до 25 получаемых на руки рублей в разные периоды и в разных обстоятельствах). Но и в следующем столетии, когда даже офицерское денежное довольствие не всегда обеспечивало прожиточный минимум, солдаты продолжали оставаться сравнительно обеспеченной социальной группой.

Основу материального положения солдат как в XVIII, так и в

XIX вв. составляли отхожие работы, финансовые и иные операции, проводившиеся *артелями* — уникальным явлением русского военного мира: неформальными объединениями нижних чинов одного или нескольких подразделений, создававшимися с целью совместных заработков и целесообразного расходования заработанных средств. История солдатской артели еще ждет своего исследователя, мы же соприкоснемся с ней самым косвенным образом: в вопросе о солдатской торговле.

Военный быт XVIII в. оставлял нижним чинам много свободного времени. Для полевых полков в военные годы свобода наступала зимой, когда армия становилась на квартиры и оставалась практически без офицерского контроля. В мирное время, особенно при императрице Елизавете Петровне, летняя жизнь полевых полков немногим отличалась от зимней. В гарнизонных же частях предписывалось разделять на три равные части, определяя одну часть в караулы, вторую — к учению и посылкам, третью — на отхожие работы. Таким образом, солдаты полевых полков могли заниматься, в частности, торговлей во время войны — зимой, а во время мира (равно как солдаты гарнизонных войск и в мирное и в военное время) — круглый год.

Состояние источников позволяет исследовать экономическую деятельность солдатских артелей в XVIII в. лишь фрагментарно. Архивы артелей (заклучавшиеся обыкновенно в приходно-расходной книге, к которой прилагались подшивки различных расписок в приеме и получении денег и реже — с фиксацией трудовых обязательств) почти не сохранились. Об артельной жизни можно найти многочисленные упоминания в полковых архивах, но в них связанные с интересующим нас вопросом материалы бессистемно рассредоточены по разнообразным документам, и выявить их без сплошного систематического анализа всего комплекса сохранившихся документов канцелярии соответствующего полка непросто. Отдельные, хотя порой и весьма подробные, сведения обнаруживаются в сохранившихся материалах канцелярий органов гражданского управления провинций и городов, где располагались полки, в фондах канцелярий высших военных руководителей и среди массивов судебных дел.

Автор настоящей публикации не может похвастаться тем, что выполнил основательную архивно-поисковую работу и систематизировал сведения, позволяющие делать общие выводы. Мы в силах лишь привести отдельные иллюстрации по поставленной теме, которые, возможно, послужат сколько-нибудь полезным материалом для последующих исследователей солдатской артели.